Сентября 2 (15)

Священномученики

Варсонофий (Лебедев),

епископ Кирилловский,

Иоанн Иванов

преподобномученица

Серафима (Сулимова),

игумения Ферапонтова монастыря,

мученики

Николай Бурлаков, Анатолий Барашков, Михаил Трубников, Филипп Марышев

Священномученик Варсонофий (в миру Василий Павлович Лебедев) родился в 1871 году в селе Старухино Беланинской волости Боровичского уезда Новгородской губернии в семье псаломщика. В семье было восемь детей. Отец святителя, Павел Михайлович Лебедев, умер, когда Василию было всего семь лет, а старшему ребенку исполнилось четырнадцать. Мать сирот, Аграфена Ивановна, осталась без средств к существованию и уже на следующий день после смерти мужа не знала бы, чем накормить детей, если бы некий добрый человек не прислал голодной семье мешок ржаной муки.

Отроку Василию рано пришлось познакомиться с нуждой и горем и испытать лишения. Из-за крайней бедности семьи Василий был зачислен в Боровичское духовное училище на казенный счет. Мать не имела материальной возможности помогать сыну, казенное содержание не всегда было достаточным, и здесь будущему священноиноку поневоле пришлось сурово поститься по сравнению со своими более обеспеченными товарищами. Утром перед занятиями ему зачастую приходилось ограничиваться куском хлеба и чашкой холодной воды и после этой скромной трапезы садиться за уроки. Эти обстоятельства не пробудили в его сердце зависти, но приучили к воздержанию, закалили волю и воспитали в нем чувство милосердия и сострадательность к людям.

С детства мальчик был счастливо избавлен от мирских увлечений, и не было для него большего счастья, чем посещение вместе с матерью, в числе других паломников из простого русского народа, старцев. Они часто ходили в расположенную недалеко от родного села пустыньку, которую народ называл «Забудущие родители». Место это находилось в глухом сосновом бору, в котором от давних времен осталась часовня в честь святой великомученицы Параскевы, а около нее старое кладбище с могилами людей, чьи имена уже были забыты. Во второй половине XIX столетия в этом уединенном месте поселился пустынник по имени Петр, которого паломники ласково называли Петруша. Его строгая жизнь для многих служила примером. Народ любил приходить сюда, чтобы помолиться вместе с ним в часовне перед образом великомученицы Параскевы, попросить у подвижника совета, рассказать о своих бедах и нуждах. Эти путешествия, молитва

среди густого бора, беседы с пустынником произвели на мальчика глубокое впечатление и нашли благодарный отклик впоследствии. Когда подвижник в начале XX века почил, люди стали ходить на его могилу, и всегда к этому месту была проложена тропка.

По окончании училища Василий поступил в Новгородскую Духовную семинарию. Привычка к труду и усердным занятиям, приобретенная в училище, много облегчила ему трудность обучения в семинарии. Он и здесь был огражден Богом от всех увлечений юности, нисколько не затрагивавших его душу. За кроткий и смиренный нрав, за характер, в котором совершенно отсутствовали грубость и задиристость, товарищи по семинарии полюбили юношу, ласково и уважительно называя его по имени и фамилии: Вася Лебедев.

Большое влияние на семинариста и на избрание им будущего миссионерского поприща оказал преподаватель по истории раскола, священник Димитрий Сперовский, который в то время, когда Василий учился в 5-м классе, принял монашеский постриг[1]. Все свободные от занятий часы Василий Лебедев отдавал чтению старопечатной литературы и к концу 5-го класса значительно превосходил сверстников-семинаристов знаниями по предмету раскола. Оживлению интереса к этому предмету служило и то, что отец Димитрий приглашал к участию в классных собеседованиях бывших старообрядческих деятелей.

Перейдя в последний класс семинарии, Василий не только не оставил изучение старообрядчества, но еще более усилил свои труды в этом направлении, и в то время, когда товарищи переживали увлечение светской художественной литературой, он проводил ночи, изучая содержание толстых кожаных фолиантов старопечатных сборников. Когда в классе устраивалось учебное состязание между защитниками православия и старообрядчества, он иногда брал на себя защиту позиции старообрядцев и выполнял ее с таким успехом, что, к огорчению остальных, они оказывались несостоятельными в защите позиций православных. На выпускном экзамене его, как выдающегося ученика, в течение сорока пяти минут экзаменовал архиепископ Новгородский и Старорусский Феогност (Лебедев), который нашел успехи Василия в области знания раскола настолько значительными, что благословил отправить его на лето в Москву к архимандриту Павлу Прусскому, настоятелю Московского Никольского единоверческого монастыря, с целью подготовки Василия к миссионерской деятельности. По возвращении в Новгород он сразу был назначен на должность помощника епархиального миссионера. В его ведении тогда находились три уезда – Крестецкий, Валдайский и Демянский.

1 апреля 1895 года Василий Лебедев принял монашеский постриг с наречением ему имени Варсонофий. Постриг состоялся в Сретенском храме Антониева Дымского монастыря в Великую субботу и произвел на многих глубокое впечатление, тем более что постриги выпускников семинарии были в то время явлением не частым. По окончании литургии настоятель монастыря архимандрит Михаил (Темнорусов) вручил юного инока старцу Антонию, который обратился к нему со словом, оказавшимся в некоторой степени пророческим. «В знаменательные дни совершилось твое пострижение, – сказал отец Антоний. – И сие не без воли Божией. Ты избрал путь, по которому шел на земле Сам Спаситель; ты избрал путь, по которому Он завещал идти Своим апостолам, путь самоотверженного, бескорыстного благовествования слова Божия. Великий, но не легкий это путь: не розами и цветами он усеян; не богатство, довольство и

почести ожидают тебя. С посохом в руках, с сумою за плечами ты должен ходить по лицу земли, как ходили святые апостолы. Не встретишь ты на этом пути так называемого семейного счастья, и не будет у тебя мирного постоянного семейного уголка. Бедная курная изба крестьянина, постоялый двор – вот что ждет тебя. Но этого мало. Лишения и скорби, беды и напасти предстоят тебе. Твое слово назидания и научения, проникнутое одною правдою и любовию, не всегда будут воспринимать твои слушатели, и глагол твой будет часто возвращаться "тощ". Всегда найдутся люди, которые самые святые твои намерения будут истолковывать превратно. Немало встретишь других неожиданных скорбей; может быть, настанет время – и тебя будут изгонять люди из селений, осыпая упреками и порицая жестокими словами; а может быть, даже возьмутся за каменья... Но не малодушествуй, – не скорби тогда, брат Варсонофий. Не падай беспомощно под тяжестью креста, какой ты подъял на свои рамена. Неси его смело, как ты несешь его сейчас. Знай, что не тебе одному тяжелый в удел достался крест... Люди брали камни, чтобы побить благовестников Евангелия, или наносили им тяжкие удары, так что те в изнеможении падали на землю. О темницах и бичеваниях не говорю. А последняя участь их? Некоторые из них умерли на кресте, другие были усечены мечом, третьи замучены. За что все это? Припомни и жизнь других угодников Божиих. Не широким путем и они шли, не радость и веселие, а скорби тяжелые и печали горькие мы видели в их жизни. И так, брат, пред тобою, как живые, восстают сотни и тысячи угодников Божиих. И видишь ты здесь, что ни один из них не пал под тяжестью креста, ни один не бежал постыдно с поля брани. Не падай и ты и не возвращайся с ратного поля. Господь, дававший силы бороться с врагами Своим возлюбленным чадам, даст эти силы и тебе... Крестом было спасено грешное человечество, крестом был побежден языческий мир, крестом побеждаются народы и теперь. Крест давал людям силы восходить на костры и сгорать здесь с молитвою на устах о своих врагах...»

9 апреля 1895 года монах Варсонофий был рукоположен во иеродиакона, а 30 июля того же года – во иеромонаха и назначен на должность миссионера тех же уездов.

С этого времени начался период всецелого служения отца Варсонофия миссионерскому делу. Многочисленные раскольничьи селения были разбросаны друг от друга на сотни верст, отсутствие дорог составляло существенное препятствие к частому посещению их миссионерами, но иеромонах Варсонофий, наметив для себя, какие селения сколько раз он должен посетить, неизменно старался поставленные задачи выполнить. И это очень скоро стало приносить плоды. Стал сходить на нет фанатизм приверженцев раскола, пробудился интерес к местным памятникам православной старины, участились случаи присоединения раскольников к православию. Кроме проведения общих бесед, отец Варсонофий, заходя в дома раскольников, беседовал с ними лично, раздавал брошюры. В 1903 году, благодаря усилиям отца Варсонофия, почти все население деревни Ровно Быстробережского прихода Старорусского уезда присоединилось к православию.

В 1908 году в Новгороде были учреждены религиозно-нравственные чтения, которые стали проводиться регулярно в течение всего года два раза в месяц по воскресеньям, а во время Великого поста – каждое воскресенье. Чтение состояло из двух бесед. Частыми участниками религиозно-нравственных чтений были епископ Тихвинский Андроник (Никольский), иеромонах Петр (Зверев) и епархиальный миссионер иеромонах Варсонофий. Новгородцы с интересом

встретили начинание, и этот интерес не ослабевал во все время чтений. Зал всегда был переполнен слушателями.

Указом Святейшего Синода от 10 февраля 1909 года иеромонах Варсонофий был утвержден в должности епархиального миссионера-проповедника с возведением в сан архимандрита. В том же году архимандрит Варсонофий издал книгу «Беседы с новгородскими сектантами пашковцами-баптистами», которая была рекомендована епархиальным начальством как руководство для духовенства при ведении бесед с сектантами, а для мирян как просветительская литература, могущая оградить их от увлечения сектантскими лжеучениями.

Благодаря усердным трудам архимандрита Варсонофия миссионерское дело в Новгородской епархии настолько расширилось, что потребовало постоянно действующих миссионерских курсов. В 1911 году епархиальное начальство распорядилось, чтобы приходские священники представили отчеты о религиозно-нравственном состоянии своих приходов. После ознакомления с ними епархиальные миссионеры организовали курсы для священнослужителей, на которых они делились со слушателями опытом противоатеистической, противосектантской полемики и указывали меры и средства к христианскому просвещению народа, к поднятию нравственного уровня и упорядочению приходской жизни, к проведению начал православной веры в жизнь личную, семейную и приходскую. Такие же курсы стали устраиваться и для благочестивых мирян. В качестве образца проведения такого рода курсов был дан пример деятельности архимандрита Варсонофия в Горнецком уезде. Архимандрит Варсонофий представил слушателям подробные сведения и материалы против раскола, который был широко распространен в этом уезде. С этого времени миссионерские курсы, в которых неизменно участвовал архимандрит Варсонофий, стали устраиваться почти во всех уездах епархии. В 1912 году такие курсы были проведены в Валдайском Иверском монастыре для духовенства Валдайского, Демянского и Крестецкого уездов, в городах – Новгороде, Тихвине, Боровичах и Череповце, на станции Малая Вишера. На курсы часть священников вызывалась в обязательном порядке, невызванные священнослужители, а также миряне могли участвовать в занятиях по своему желанию. В программу курсов входили сектоведение, расколоведение, теория и практика живой проповеди.

4 сентября 1912 года в Новгородской епархии состоялся первый миссионерский съезд, и с этого времени такие съезды стали для епархии постоянным явлением. 17 декабря 1913 года миссионерский съезд прошел в городе Тихвине, после его окончания в течение трех дней работали миссионерские курсы. На съезде обсуждались письменные и устные доклады священников, а также описанные в них проблемы, связанные с религиозно-нравственным состоянием прихожан, были высказаны некоторые важные пожелания, священники-миссионеры давали полезные советы и указания. На последовавших после съезда курсах читались лекции по вопросам сектантства, раскола и неверия, а после лекций миссионеры до позднего вечера отвечали на вопросы участников курсов. В особенности привлекали всех лекции и беседы архимандрита Варсонофия, и в конце курсов один из священников от лица слушателей поблагодарил его за интересные, простые, сердечные и жизненные лекции.

Вот как описывает миссионерские труды и личность отца Варсонофия один из его современников: «К обращению уклоняющихся от спасительного пути были направлены его труды. С этой же целью он стремился и к расширению своего

миссионерского опыта участием в миссионерских всероссийских съездах: Казанском в 1897 году, Киевском в 1908 году и единоверческом Петроградском в 1912 году. Отец Варсонофий вынесенные отсюда познания ценил не как средство одолеть противника в споре, а как средство с бóльшим умением и сильнее влиять и на старообрядцев, изводя их из тьмы неведения, и на колеблющихся православных, укрепляя их в вере отцов. Во имя евангельского совета миссионерам быть мудрым, как змея, и простым, подобно голубю, отец Варсонофий поревновал и сумел попасть даже на первый поморский старообрядческий всероссийский собор в Москве в 1909 году и вынес оттуда много полезного для своего дела.

Если по своему душевному складу отец Варсонофий с самого начала деятельности был достаточно близок и понятен народу, среди которого жил и работал, то с течением времени эта близость увеличилась, он сроднился с народом, научившись ценить и понимать душу народную. Нужно было слышать его рассказы по возвращении из миссионерских поездок: это было точное воспроизведение жизни с ее характерными штрихами, даже обычный разговорный язык отца Варсонофия получил оттенок народной речи, а в случае нужды, например на беседах, он научился говорить подлинным языком своих слушателей и даже слушательниц. В этом понимании души народной и любви к ней кроется секрет возраставшего уважения к миссионеру даже среди врагов Церкви. Прекрасно изучив чин единоверческого служения, его напевы и произношение, отец Варсонофий побеждал врагов их собственным оружием, привлекая на эти служения многих поклонников старой веры. Он никогда не позволял себе, подобно некоторым, не в меру ретивым миссионерам, издеваться над народным невежеством, так как среди тьмы народной способен был видеть жгучий интерес к вопросам веры и человеческого спасения. Поэтому он относился к беседам и собеседникам всегда серьезно и выработал тот способ ведения бесед, который создавал в слушателях чувства не злорадного торжества у одних и оскорбления и обиды у других, а сокрушение о заблуждении братьев у одних, желание возвратить их к свету познания Христова и сознание своей неправоты или, по крайней мере, сомнения в своей правоте у других. Так велось дело у него в течение всех 22 лет его миссионерства».

Успехи отца Варсонофия по просвещению народа и обращению к православной вере сектантов и неверующих были столь велики, что епархиальное начальство одобрило участие в собеседованиях начетчиков разных толков православных священников с тем, чтобы в этих случаях непременно бы приглашался и отец Варсонофий как тончайший знаток всех старообрядческих толков.

Архимандрит Варсонофий был строителем многих единоверческих храмов, где после освящения он торжественно и истово совершал богослужение по древним книгам, что явилось действенной проповедью и призывом к старообрядцам присоединиться к православию. Отец Варсонофий был также строителем и устроителем скита на месте пустыньки «Забудущие родители», который был затем приписан к Новгородскому Антониеву монастырю. Стараниями архимандрита Варсонофия в течение нескольких лет здесь были воздвигнуты два храма – святой великомученицы Параскевы и преподобного Антония Римлянина. После постройки храмов и учреждения скита число паломников сюда еще более увеличилось. В дни празднования памяти святой

великомученицы Параскевы народ собирался в таком количестве, что храмы не могли вместить всех, и всенощное бдение совершалось под открытым небом.

Памятуя, в каких условиях материальной нужды ему пришлось учиться в семинарии, отец Варсонофий помогал бедным семинаристам, а когда началась Первая мировая война, он стал постоянным жертвователем на нужды раненых и семьям лиц, призванных на войну.

Видя подвижническое служение архимандрита Варсонофия, новгородский архипастырь попытался добиться назначения его одним из Новгородских викариев. Архимандрит Варсонофий относился к этим попыткам и «предложениям со свойственным ему смирением, ни разу ни одного шага он не сделал, чтобы ускорить получение кафедры, все предоставляя воле Божией и усмотрению высшей церковной власти, но когда заботами Новгородского архиепископа Арсения (Стадницкого) ему была приуготовлена Кирилловская кафедра, отец Варсонофий увидел в этом явление милости Божией к себе: этим назначением он не отрывался от любимого миссионерского дела, оставленного за ним в порядке руководства и направления, и от родного хорошо знакомого Новгородского края; он увидел для себя в новом назначении новую и более широкую возможность продолжать трудиться на духовную пользу и православных, и старообрядцев Новгородской епархии...»

7 января 1917 года состоялось наречение и на следующий день хиротония архимандрита Варсонофия во епископа Кирилловского, викария Новгородской епархии. Во время наречения во епископа архимандрит Варсонофий в своем слове сказал: «Знаю я хорошо, как высоко смотрит верующая паства на своего святителя, но вместе с тем по своему миссионерскому опыту я прекрасно знаю и то, как враги Церкви Христовой и как многие из немощных членов Церкви зорко следят за всяким поступком, за всяким словом устно, а особенно в печати сказанным от епископа, как они зорко следят даже за всяким движением архипастырей церковных и как враги Церкви Христовой подмеченные за кем-либо из святителей немощи и грехи – это личное пятно – пытаются перенести на всю Церковь Христову, со злорадством кричат всем: "вот как ваша Церковь делает!" – и тем производят смущение даже среди верующих членов Церкви; при этой мысли, сознавая свои немощи и грехи и взирая на высоту святительского служения, страх и трепет смущает душу мою... смущает, но не приводит в отчаяние, ибо на одни свои силы я никогда ни в чем не надеялся и не надеюсь, "человек бо есмь". Так и при исполнении возлагаемых на меня святительских обязанностей – этих добрых дел, на свои собственные силы я не надеюсь, а и тут положусь на милосердие и помощь Божию...»

До конца января епископ Варсонофий служил в храмах Новгорода, а затем уехал в Кириллов. С этого времени начался новый и последний период его миссионерской и религиозно-просветительской деятельности, во время которого он проводил суровую, аскетическую жизнь подвижника и посещал с проповедью храмы и обители викариатства. Известие о его предстоящем служении в том или ином приходе собирало множество верующих, желавших услышать благодатное слово полюбившегося им архипастыря.

При наступлении смутного времени, сначала после отречения от престола государя Николая II, а затем после захвата власти большевиками, епископ неустанно призывал народ к вере, к жизни в Церкви, звал народ, как детей, так и взрослых, учиться истинам веры в храме Божием, указывая на предосудительность изгнания Закона Божия из школ. Видя все ухудшающееся

положение православных, он открыл в Кириллове Братство православных жен и мужей. Основные положения Братства были таковы: «Братство Кирилло-Белозерского монастыря имеет целью: поднятие религиозного духа и нравственности среди народа; сохранение чистоты веры православной; охрану православных церковных святынь и церковного имущества как достояния всего православно верующего народа, в частности, охрану местной святыни – Кирилло-Белозерского монастыря.

Варсонофий, епископ Кирилловский, викарий Новгородской епархии

Кирилло-Белозерский монастырь

Ферапонтов монастырь

Для осуществления этих целей Братство устраивает религиозно-нравственные чтения и беседы; заботится о религиозно-нравственном обучении и воспитании подрастающего поколения; употребляет согласно духу Евангелия все меры морального воздействия для заступления гонимой Церкви Христовой; занимается делами благотворительности; наблюдает за сохранностью старинных храмов, икон, церковной утвари и принимает меры против их порчи и истребления; оказывает поддержку сродным по цели организациям; привлекает в число своих членов истинных сынов святой Православной Церкви путем распространения своих идей, в целях согласованности».

В двадцати километрах от Кирилло-Белозерского монастыря расположен Ферапонтов монастырь, основанный другом преподобного Кирилла преподобным Ферапонтом. Вследствие антицерковных указов Екатерины II монастырь был упразднен и обращен в приходскую церковь. Только в начале XX века было получено разрешение на открытие в Ферапонтове женской монашеской обители. Основательница Леушинского монастыря игумения Таисия (Солопова) предложила сестрам, кто возымеет такое желание, идти в Ферапонтово. Среди других пошла монахиня Серафима (Сулимова), будущая игумения монастыря. Игумения Серафима (в миру Елизавета Николаевна Сулимова) родилась в 1858 году в городе Устюжне Череповецкого уезда Новгородской губернии.

В 1874 году она поступила в Леушинский монастырь и через десять лет была определена в число послушниц. 14 февраля 1901 года она была пострижена в монашество с именем Серафима. В 1902 году монахиня Серафима была назначена казначеей Леушинского монастыря, а 2 июля 1906 года – игуменией Ферапонтова монастыря. Она отличалась рассудительностью, с насельницами монастыря была ласкова, по обстоятельствам и строга, стараясь жизнь в монастыре устраивать в соответствии с монастырским уставом.

Монахиня Серафима (Сулимова)

Игумения Ферапонтова монастыря Серафима

В конце января 1918 года был опубликован декрет советской власти об отделении Церкви от государства и переходе всего церковного имущества в собственность государства. 27 февраля приходской совет Ферапонтова монастыря при участии членов Ферапонтовского исполнительного комитета произвел опись имущества. 8 апреля 1918 года приходской совет постановил, что «все дела, касающиеся прихода и монастыря, должны решаться непременно через приходской совет... и никаких лиц, как частных, так и официальных, приезжающих в приходской Ферапонтов монастырь как для осмотра, так и других целей, без уполномоченных приходского церковного совета не допускать».

В начале мая 1918 года Кирилловский исполком постановил заново произвести опись ризниц и всего церковного имущества во всех монастырях Кирилловского уезда. В воскресенье 6 мая игумения Серафима попросила монастырского священника Иоанна Иванова[2] объявить прихожанам о приезде комиссии. По окончании литургии священник сказал:

– Православные! Сегодня или завтра к нам приедут какие-то люди производить опись монастырского имущества, но опись уже была произведена советом; допускать или не допускать их – ваше дело, но в случае, если будут обижать церковь и сестер, – защитите.

– Делать опись больше не надо, не дадим; оповестите нас или звоните, когда приедут, мы все придем и не дадим, – заявили прихожане.

В тот день всенощная началась как обычно в шесть часов вечера; в седьмом часу прибыли четверо членов комиссии, которые разместились в корпусе для приезжих. Сразу потребовав к себе игумению, они заявили ей, что приехали описывать имущество.

– Против описи ничего не имею, – ответила игумения, – но должна уведомить председателя приходского совета и уполномоченных.

Члены комиссии согласились приступить к описи на другой день с утра. Игумения послала за председателем приходского совета Кочуровым. Не успел он прийти, как перед монастырем стали собираться крестьяне, не согласные с действиями комиссии.

Игумения, выйдя к ним, попыталась их успокоить:

– Комиссия только снимет копию с нашей описи и завтра же уедет.

– Не допустим до описи! Не допустим их ночевать при монастыре! – кричали крестьяне.

Поднялся шум. Крестьяне начали выгонять из монастыря членов комиссии, и кому досталось кулаком, кому поленом.

В храме в это время шла служба. Глухо доносился снаружи шум, но отец Иоанн продолжал служить. Видя, однако, что богомольцы увлечены наружным шумом, священник громко сказал:

– У Бога – вечность, у Бога – красота! А весь этот шум, все это – временное и преходящее.

Служба подошла к концу. Тем временем трое членов комиссии бежали, вслед им было сделано крестьянами несколько выстрелов – для устрашения. Четвертый был схвачен толпой, которая намеревалась расправиться с ним.

Отец Иоанн вышел на паперть храма и, видя, что над схваченным собираются учинить самосуд, вступился за него – и толпа отпустила пленника.

В тот же день члены Ферапонтовского исполкома позвонили в Кирилловский совет депутатов и сообщили, что изгнание из монастыря комиссии явилось результатом агитации против советской власти священника.

Село Ферапонтово. Дом, в котором жил протоиерей Иоанн Иванов

9 мая, после службы, треб и крестного хода в соседнюю деревню Емишево отец Иоанн вернулся домой в Ферапонтово только к вечеру. И сразу же был арестован отрядом вооруженных с ног до головы красногвардейцев. Большей частью это были уроженцы села Ферапонтова, бежавшие с фронта дезертиры. Теперь они припомнили священнику, как еще осенью 1917 года он обличал их в проповеди за трусость, сказав, что они бегут с фронта, как зайцы. При аресте они нарочито торопили священника, несколько раз ударили его, не разрешили одеться теплей, и он вышел из дома в легкой рясе, с наперсным крестом.

Отец Иоанн благословил красногвардейцев и сел в телегу. Конвоиры расположились по краям, направив на него кто пистолет, кто винтовку. Дорогой ему предложили отречься от Бога, обещая в этом случае оставить в живых, но священник отказался и был заключен в Кирилловскую тюрьму. Его обвинили в том, что он призывал народ к расправе с комиссией.

Сразу же после ареста отца Иоанна благочинный, священник Александр Фомин, поставил в известность о происшедшем епископа Варсонофия. Владыка велел расследовать обстоятельства дела. В результате расследования выяснилась полная невиновность священника. Отец Александр по совету епископа подал заявление в Кирилловский исполком и привел результаты дознания, на основании которых отца Иоанна должно было освободить. Ознакомившись с заявлением, власти на следующий день нарядили формальное следствие, препроводив отца Иоанна из Кирилловской тюрьмы в Череповецкую. Приехавшая в Ферапонтово от Кирилловского совета депутатов следственная комиссия отвергла показания всех, кто свидетельствовал в пользу отца Иоанна, под тем предлогом, что священник писал им из тюрьмы письма, которые были обнаружены чекистами, и писавшие ему на этом основании сочтены соучастниками. Следственная комиссия интересовалась только мнением тех, кто был настроен против Церкви и желал закрытия храма и монастыря.

Благочинный решил обратиться с просьбой о помощи к прихожанам. В воскресенье 13 мая он рассказал им о происшедших событиях и попросил заступиться за священника. Но страх перед террором большевиков парализовал

волю жителей, и они отказались заступиться за пастыря. Только через месяц, когда страх отошел, они стали осознавать бесчестность своего поступка, так как оказались виновными в выдаче ни в чем не повинного пастыря без малейшей попытки вступиться за него перед советской властью.

На Троицу, 10 июня, священник Александр Фомин подал прихожанам текст прошения об освобождении отца Иоанна, который успели подписать две тысячи прихожан; дойдя до подмонастырской слободы, прошение попало в руки крестьянина-безбожника и было им уничтожено. Через некоторое время составили новое прошение об освобождении священника. Его подписали сотни прихожан, и 1 июля оно было отправлено в Череповецкий революционный трибунал[3].

12 мая игумению Ферапонтова монастыря Серафиму вызвали в Кирилловский исполком для допроса и подвергли аресту в городе Кириллове. Ее обвинили в подстрекательстве к возмущению крестьян. Накануне ее отъезда в Кириллов к ней явились около сорока крестьян из двух деревень и потребовали ключи от всех монастырских кладовых для осмотра продовольственных запасов. Игумения отдала им ключи, и они, возглавляемые комиссаром, пошли осматривать. Нашли шестнадцать мешков овса и пятнадцать мешков ржи, которые и забрали.

На другой день огромная толпа народа собралась к монастырю, и началось его разграбление: ходили по кельям, забирали не только муку, но и сухари, взламывали сундуки, крали деньги, домашнюю утварь, оскорбляли сестер, угрожали их разогнать. Грабеж продолжался два дня; грабили жители Ферапонтова и ближайших деревень.

29 мая грабеж повторился. Было взято около ста пудов муки, а насельницам приказали выселяться. В монастыре осталось восемь сестер для ухода за огородами, скотом и гостиницей. Хлеба не было оставлено совсем.

14 сентября, в субботу, епископ Варсонофий и археолог Александр Иванович Анисимов были в Горицком монастыре, где они осматривали местные древности. Епископ торопился вернуться в тот же день в Кирилло-Белозерский монастырь, так как непременно хотел молиться за всенощной, чтобы на другой день служить литургию.

На обратном пути из Гориц в Кириллов епископ беседовал с Александром Ивановичем. Так проехали три версты, осталось еще четыре. Вдруг за Богатыревским полем появилась подвода почтаря, который вез двух красногвардейцев. Они уже побывали в Кирилло-Белозерском монастыре, но узнав, что епископ уехал, оставили здесь отряд красногвардейцев, а сами отправились в Горицы.

При приближении экипажа епископа красногвардейцы соскочили с подводы. Один из них подошел к епископу и спросил:

– Вы Варсонофий?

– Я, – ответил владыка.

После этих слов красногвардеец сел в экипаж рядом с кучером, лицом к епископу, а другой примостился сзади, за поднятым верхом экипажа. Наступило тягостное молчание. Так некоторое время и ехали молча. Наконец епископ спросил сидевшего напротив красногвардейца:

– Вы комиссар будете?

– Нет, я инструктор Красной гвардии, – ответил тот.

И затем снова наступило молчание, которое прервал владыка:

– За что же вы меня арестовали?

– Вот бумага, – односложно ответил красногвардеец и протянул бумагу.

Епископ Варсонофий и Александр Анисимов прочли: «Епископа Варсонофия предписывается арестовать и доставить в тюрьму». Анисимов вполголоса стал успокаивать владыку, обращая его внимание на то, что аресты в наше время стали обычным делом. Владыка заметил:

– Если и расстреляют, то что же сделаешь.

Когда приблизились к городу, верх экипажа опустили. Инструктор сел на козлы лицом к лошади, второй красногвардеец поместился на откинутый верх. Картина едущего под конвоем епископа вселяла в души встречных тревогу. Дети, видя епископа в таком положении, крестились.

– Эва, крестятся! – по-бесовски засмеялся сидевший на задке красногвардеец.

Так они подъехали к Святым воротам монастыря. Епископ сказал своему спутнику:

– Вы здесь сойдите.

Выходя из экипажа, тот предложил прислать епископу белье или пищу, но владыка на это сказал:

– Пришлите духовника, иеромонаха Адриана.

Здесь красногвардейцы потребовали, чтобы епископ вышел из экипажа. Владыка, сойдя на землю, помолился, повернувшись к стоявшей у Святых ворот часовне, затем обратился взором к городскому собору, а затем под конвоем красногвардейцев по грязной дороге пешком пошел к тюрьме, которая находилась в полуверсте от монастыря. Здесь, в тюрьме, он встретил игумению Серафиму и других арестованных. Узники говорили, что время сейчас таково, что их арест может кончиться расстрелом. Епископ на это ответил:

– Я не боюсь насильственной смерти, но я не смею думать, чтобы Господь нашел меня достойным мученической кончины.

Всю эту ночь епископ провел на молитве. Одни говорили, что он пел псалмы, другие, что совершал всенощную.

На следующий день, в воскресенье, 15 сентября, около пяти часов утра епископа Варсонофия, игумению Серафиму и четырех мирян вывели из тюрьмы и повели по направлению к Горицам. Вместе с епископом и игуменией были приговорены к расстрелу: Николай Бурлаков, Анатолий Барашков, Михаил Трубников и Филипп Марышев[4]. Их сопровождал отряд палачей из двадцати человек.

В монастыре начиналась ранняя литургия. Епископ попросил разрешения зайти в монастырь, чтобы приобщиться Святых Таин, но ему было в этом отказано. Недалеко от Кирилло-Белозерского монастыря, по дороге к Горицам, находилось подворье Филипповой Ирапской Красноборской пустыни. Над входом в подворье, с наружной стороны, помещалась икона святого Филиппа Ирапского. Епископ, проходя мимо, хотел перекреститься, но конвоир ударил его по руке прикладом ружья. Епископ ускорил шаг, и конвойные стали насмешливо его останавливать:

– Не торопись, успеешь попасть в Царство Небесное!

Шли по древней, времен преподобного Кирилла, дороге; впереди – епископ Варсонофий в клобуке, с посохом в руке; почти вровень с ним, чуть отступя, игумения Серафима, за ними – миряне. Епископ шел уверенно, твердо, зная, что наступил час решительный, смертный, час разрешения от земных уз для

бытия со Христом. Игумения шла не вполне еще веря, что их будут казнить без суда, она полагала, что ведут в Горицы, чтобы посадить на пароход.

Старая Горицкая дорога проходила рядом с монастырем по берегу Сиверского озера. Медленно шли узники, сопровождаемые конвоем. Благодатная молитвенная тишина, мир Христов сходил в души. Потянулась слева кромка воды. Так дошли до верстового столба, на котором было обозначено, что до Гориц от этого места пять верст, а до Кириллова две. Здесь каратели приказали остановиться и свернуть с дороги направо. Теперь сомнений не оставалось – ведут расстреливать.

– Вот и наша Голгофа, – сказал святитель, приблизившись к месту казни.

Игумения покачнулась, епископ протянул руку, поддержал ее и сказал:

– Матушка, приободрись! Ты – лицо духовное, нам надо на смерть идти, не боясь, как на брачный пир, с веселием. Наступит время, когда нам с тобой завидовать будут.

Слабость прошла, и она спокойно, с миром душевным пошла к месту казни. Один из приговоренных стал резко говорить по адресу тех, кто осудил их на смерть, но святитель остановил его:

– По примеру Спасителя нам нужно всем все простить; в иную жизнь мы должны перейти в мире со всеми.

Приговоренные были поставлены лицом к горе Золотухе, спиной к Кирилло-Белозерскому монастырю. Епископ стоял между игуменией Серафимой справа и Михаилом Трубниковым слева.

В конце каждого дня после повечерия игумения Серафима просила у сестер прощения, земно кланялась им и говорила: «Простите меня, окаянную». Теперь она, обратившись к убийцам, тихо сказала:

– Простите меня, окаянную.

Карателям послышалось, что это их она назвала окаянными, и они выстрелили и убили ее. Затем раздались один за другим пять залпов, и все были убиты, только владыка продолжал стоять и молиться с воздетыми к небу руками; он читал отходную, и когда закончил ее, то произнес: «аминь», и услышал, как один из палачей закричал:

– Да опусти ты руки!

– Я кончил, – сказал святитель, – кончайте и вы.

С этими словами он повернулся лицом к обители, благословил ее и опустил руки. После этого последовал выстрел в упор, и епископ упал мертвым.

Могилу для убитых предложили копать купцам. Владыка после расстрела лежал на спине, с закрытыми глазами; руки и ноги вытянуты и прикрыты одеждою; на голове клобук; на груди видна цепочка от панагии. В могилу тела мучеников опускались с великой осторожностью и бережностью. Ближе к монастырю положили тело епископа, затем Николая Бурлакова, за ним – игумении Серафимы; в ногах – тела Анатолия Барашкова и Филиппа Марышева.

Когда на рассвете 15 сентября жители услышали выстрелы, то многие устремились к месту казни. Красногвардейцы, попадавшиеся им по дороге, говорили с насмешкой:

– Бегите, бегите! Ваш воскрес! Через три года мощами объявится!

В этот же день братия монастыря во главе с наместником, игуменом Феодоритом, обратилась к властям с ходатайством о разрешении перенести тело епископа в монастырь. Власти разрешили выкопать тело епископа в ночь на 16 сентября между четырьмя и шестью часами утра. Монахи раскопали могилу и

начали поднимать тело владыки. Но тут вмешались красногвардейцы, стали стрелять в воздух и требовать, чтобы могила была зарыта. Монахи показали письменное разрешение на перенесение тела преосвященного в монастырь, подписанное председателем местного исполкома Волковым.

Место, где были расстреляны епископ Варсонофий, игумения Серафима и иже с ними

– Мы всех волков перестреляем, – заявили красногвардейцы. – Что нам исполнительный комитет!

Могила по их требованию была вновь зарыта. Днем, однако, братия монастыря снова получила разрешение в ночь на 17 сентября между тремя и шестью часами утра выкопать тело епископа Варсонофия, а также игумении Серафимы и Николая Бурлакова. Но и на этот раз в пять часов утра на место расстрела явились представители властей и предъявили монахам письменное распоряжение, запрещающее переносить тела. Монахам пришлось снова зарыть могилу. В тот же день вечером при закрытых вратах обители проживавший в монастыре на покое епископ Мисаил (Крылов) совершил заочное отпевание убиенных.

На следующий день после расстрела епископа Варсонофия наместник Кирилло-Белозерского монастыря игумен Феодорит послал епископу Тихвинскому Алексию (Симанскому), викарию Новгородской епархии, телеграмму, в которой сообщал о происшедшем. Епископа Алексия в этот момент в городе не было, и епархиальный совет Новгородской епархии отправил ответную телеграмму игумену Феодориту: «Испросите тело владыки, перенесите в храм и ожидайте распоряжений; донесите подробно об обстоятельствах».

По возвращении епископа Алексия в Новгород, 20 сентября, состоялось заседание епархиального совета, на котором было принято решение послать в город Кириллов эконома архиерейского дома члена епархиального совета Владимира Финикова и одобрено обращение епископа Алексия в Новгородский епархиальный совет. Он писал в нем: «Совершилась воля Божия о Преосвященном Епископе Варсонофии. В награду за его благочестивую жизнь, за его усердие и твердость в несении иноческого подвига, за его кротость и незлобие и вместе ревность о Церкви Христовой дана ему от Господа величайшая

награда еще здесь, на земле, – удостоиться части избранных и сподобиться венца мученического. Житие его было честно и успение со святыми.

Преклонимся пред неисповедимыми судьбами Божиими и, скорбя об утрате приснопамятного Владыки, возблагодарим Бога за то, что и в наши дни, в назидание нам, Он воздвигает светильников веры и благочестия. Новгородскую церковь, коей ведом многолетний служебный подвиг усопшего святителя Варсонофия, в единении со своим Архипастырем, призывающим к молитве об упокоении души мужественно, даже до крови, по завету Господню, скончавшего жизнь свою на свещнице Церкви Христовой, призываю к молитвенному поминовению святителя-страстотерпца. Имя его да запечатлеется во всех синодиках церквей и монастырей Новгородской епархии, дабы навсегда о нем приносилась бескровная Жертва. А ныне, в течение сорока дней, надлежит поминать его ежедневно на всех литургиях в особых заупокойных ектениях, а в положенное время, после литургии, совершать о нем заупокойные литии. Взирая на скончание жительства его, да подражаем вере его».

23 сентября, на девятый день мученической кончины преосвященного Варсонофия, в новгородском Софийском соборе была отслужена заупокойная литургия. Перед панихидой епископ Алексий обратился к молящимся со словом, посвященным памяти святителя-мученика.

В тот же день Владимир Фиников прибыл в Кириллов и был принят председателем исполнительного комитета Волковым.

– Я приехал из Новгорода, чтобы выяснить возможность погребения преосвященного Варсонофия и приезда для этого в Кириллов из Новгорода преосвященного Алексия.

– На это я могу дать вам ответ через день, в среду утром. Вечером у нас будет заседание комитета, а утром я и скажу вам.

– До среды мне не хотелось бы ждать. Ваше мнение каково? Будет разрешено погребение тела владыки в монастыре?

– Мое мнение ничего не значит.

– Но а всё же?

– Сам лично в исполнительном комитете я стою за разрешение делать с телом что угодно. Покойный был страшен, пока был жив, а мертвый он уже не страшен нам. Но другие члены комитета смотрят на дело иначе. И они запретили откапывать тело покойного.

– Но как вы думаете – теперь разрешат откопать тело?

– О, на это нет надежды, потому что в этом смысле существует постановление, утвержденное высшей инстанцией.

– Скажите, за что постигла преосвященного такая участь?

– Расстрел владыки совершен карательным Череповецким отрядом, который явился с готовым приказом. Насколько я слышал, владыке ставят в вину основание им при монастыре братства.

25 сентября Владимир Фиников посетил начальника Череповецкого исполнительного комитета Тимохина.

– Я прибыл из Новгорода для выяснения возможности погребения тела преосвященного епископа Кирилловского Варсонофия в монастыре.

– Как?! Разрешить вам перенести тело в монастырь? Никогда! Вы его еще мощами захотите сделать! – и с этими словами председатель исполкома повернулся и вышел.

Священник Ферапонтова монастыря Иоанн Иванов был расстрелян через несколько дней после расстрела епископа и игумении, 19 сентября.

Крест, установленный на месте расстрела мучеников

Место погребения мучеников долгое время было почитаемо православными, которые в течение многих лет приходили сюда молиться, прибегая к молитвенному предстательству мучеников. В 1960-х годах власти, видя, что почитание памяти мучеников, несмотря на все гонения, не уменьшается, уничтожили все признаки могилы, возведя на этом месте хозяйственные постройки. 17 декабря 1998 года на месте расстрела мучеников был установлен крест.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 5». Тверь. 2001. С. 209-230

Примечания

[1] Впоследствии архиепископ Старорусский Димитрий. Скончался в 1921 году.

[2] Священник Иоанн Федорович Иванов родился в 1864 году. Служил в Ферапонтовом монастыре с 1904 года.

[3] В Череповецкий Революционный Трибунал

Прихожан граждан Ферапонтовского прихода Кирилловского уезда

Заявление

Мы, прихожане Ферапонтовской церкви, православные христиане, заявляем, что арестованный 9/22 мая Советскою властию священник Иоанн Иванов арестован невинно, по недоразумению: как в храме, так и на улице 6/19 мая собравшихся прихожан он не возбуждал к насилиям против Комиссии, производившей опись церковного имущества; в храме он обязан был объявить прихожанам о приезде Комиссии, так как ранее нами же об этом было сделано постановление 11 марта и 8 апреля, а на улице он, напротив, уговаривал толпу не делать никаких насилий членам Комиссии.

А потому, выражая свое горькое сожаление о происшедшем от нас печальном для отца Иоанна Иванова случае, мы, верующие, просим Революционный Трибунал немедленно освободить невинно арестованного священника Иоанна Иванова и считать его оправданным.
(Следуют подписи прихожан 12 деревень Ферапонтовского прихода).

[4] **Николай Игнатьевич Бурлаков** родился в 1889 году в городе Кириллове; до захвата власти большевиками был гласным Кирилловской городской Думы.

Анатолий Андреевич Барашков родился в 1870 году в деревне Гридино Ферапонтовской волости Кирилловского уезда в крестьянской семье и сам крестьянствовал.

Михаил Дормидонтович Трубников родился в 1855 году. Капитан 2-го ранга в отставке; до большевистского переворота занимал должность мирового судьи и возглавлял местное земство.